

О НАЗНАЧЕНИИ РЕЛЬЕФНЫХ МЕТОК НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕРЕПИЦЕ КРЫМА

Практика маркировки керамических строительных материалов получила широкое распространение у многих народов в разные времена. Черепица и плитка с клеймами и метками, являясь важным элементом материальной культуры оставившего их населения, неизменно привлекают внимание исследователей.

В Крыму наиболее раннюю группу маркированной строительной керамики образует боспорская эллинистическая черепица с клеймами, подавляющая масса которых, по мнению исследователей, обозначала владельцев черепичного производства. Легенды боспорских клейм состоят из целых или большей частью сокращенных имен фабрикантов, имен правителей из рода Спартокидов или надписи βασιλική/ βασιλικός свидетельствующей о производстве продукции в царских мастерских (Гайдукевич 1934: 266-298; Берзин 1959: 53-60; Гайдукевич 1967: 19; Кац 2007: 327-335; Ковальчук 2007). Лишь в отношении единичных клейм некоторые исследователи допускают иную интерпретацию. К их числу принадлежит клеймо «ГОР», имеющее две расшифровки: имя Горгиппа и название общины Горгиппии (Кац 2007: 334-335). Еще одно клеймо, сохранившееся не полностью, позволяет трактовать его как имя Афродисий или богини Афродиты, храму которой, по предположению А.В. Ковальчук, и могли принадлежать 6 фрагментированных черепиц с данным оттиском из Кеп (Ковальчук 2007а: 314-316).

Римскому периоду принадлежит черепица с латинскими клеймами, обнаруженная в местах дислокации римских воинских контингентов, а именно в Херсонесе, на высоте Казацкой, в Балаклаве, в Хараксе на мысе Ай-Тодор, а также на позднекифском городище Алма-Кермен (Филиппенко 1998: 110-117; Антонова, Костромичев 2000: 45-50; Сарновский, Савеля 2000: 97-98, 215-218, 225-230; Сарновски 2005: 119-132; Новиченкова, Новиченкова-Лукичева 2009: 61-70). В настоящее время зафиксировано 16 типов римских клейм, которые заключают в себе сокращенные названия вексилляций, имена мастеров или лиц, ответственных за производство, иногда названия военных должностей. Большинство клейменных строительных материалов производилось в местных войсковых керамических мастерских (Сарновски 2005: 119-132). В ранневизантийский период в Херсонесе для маркировки кирпичей применяли штампы с обозначением индикта и начальных букв, вероятно, имени мастера (Романчук 1976: 156-159; Романчук 2004: 16-21).

Несмотря на некоторые спорные моменты, связанные, главным образом, со сложностью расшифровки некоторых сокращений, назначение достаточно стандартных буквенных клейм на строительных материалах указанных периодов практически не вызывает

сомнений. В подавляющем большинстве они несут в себе информацию, прежде всего, о производителе или владельце производства. На некоторых строительных материалах римского и ранневизантийского времени фиксируются также линии различных очертаний (прямые, зигзагообразные, концентрические), выполненные по сырой глине, вероятно, пальцами. Назначение этих меток, как правило, объясняют производственными целями, например, для обозначения партий и счета готовых изделий или для контроля над их качеством (Романчук 1976: 159; Филиппенко 1998: 115; Сарновски 2005: 132).

В средне- и поздневизантийский период клейма на черепице заменили рельефные метки или, как их еще называют, ремесленные знаки. Их появление связано с новым способом изготовления плоских черепиц (керамид), который впервые был применен, вероятно, еще в ранневизантийское время и к IX-X вв. становится господствующим (Моисеев 2013: 172-176). Если в античную эпоху керамиды формовали в деревянных ящиках без дна, так называемым «лицевым» способом, то в указанный период использовали ящик-матрицу с дном, в котором вырезали все рельефные лицевые элементы будущей черепицы, в том числе метки («тыльный» способ) (Якобсон 1950: 119; Паршина 1974: 81; Сидоренко 1985: 94-95; Моисеев 2013: 172-176).

Черепица с рельефными метками хорошо известна по раскопкам средневековых памятников Юго-Западного, Южнобережного и Юго-Восточного Крыма. Наиболее обширная коллекция строительных материалов с метками собрана в Херсонесе (Якобсон 1950: 117-153; Романчук 2000). Большое количество маркированной черепицы зафиксировано на Мангупе (Тиханова 1953: 430-434; Якобсон 1950: 151; Романчук 1977: 181-192) и Эски-Кермене (Репников 1941: 278; Якобсон 1950: 148-149; Паршина 1988: 38-43; Завадская 2008: 291-315). Известна она на Баклинском городище (Талис 1968: 184-195), а также на некоторых сельских поселениях Юго-Западного Крыма (Якобсон 1970: 156-163; Романчук 1976а: 14-18). Практически повсеместно маркированная черепица встречается и на памятниках Южного берега Крыма (Репников 1909: 115-116, рис. 61, 62; Паршина 1974: 77-94). Большое количество черепицы с метками обнаружено также в ходе раскопок на горе Тепсень в Юго-Восточном Крыму (Барсамов 1932: 5-6; Бабенчиков 1953: 112-113; Бабенчиков 1958: 122-128; Майко 2004: 208-211).

Маркированная черепица известна и за пределами Крыма, например, на средневековых памятниках в Краснодарском крае, а также в Грузии, Румынии и Болгарии (Якобсон 1950: 138; Якобсон 1979: 107-108; Джгамая 1969: 102-105; Ломтатидзе 1974: 137-

138; Джгамая 1974: 238-243; Армарчук 2009: 81-98). Но именно в Крыму обычай метить черепицу получил наибольшее распространение, что и позволило А.Л. Якобсону называть его локальным крымским явлением (Якобсон 1979: 107).

Рельефные метки на крымской средневековой черепице отличаются большим разнообразием. Они представлены в виде отдельных букв, монограмм, лигатур, реже встречаются сокращенные или даже целые слова, как правило, имена. Наиболее ярким примером целого имени может служить метка, имеющая два вероятных прочтения: Феодорэсио (ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΙΟΝ) или Феодоракио (ΘΕΟΔΟΡΑΚΙΟΝ) (Барсамов 1932: 8-9; Якобсон 1950: 138; Гадло 1964: 101; Бабенчиков 1958: 127; Майко 2004: 211). Керамиды с данной меткой были найдены при раскопках базилики на горе Тепсень, а также в Херсонесе и Фанагории. По мнению А.Л. Якобсона и А.В. Гадло их производство связано с Херсонесом (Якобсон 1950: 138; Якобсон 1958: 478; Гадло 1964: 101).

Кроме буквенных меток на черепицах отображались различные условные знаки, а также схематичные изображения животных (лошади, оленя, быка, собаки, птиц), всадников и отдельных человеческих фигур. Известны также целые жанровые сцены. Вот как, например, описывает В.П. Бабенчиков метку с изображением сцены охоты на черепице, найденной на Тепсене: «собака бросается на загнанного, высувшего язык оленя; он обессилел, осел на задние ноги и не может нагнуть голову, чтобы поднять собаку на рога» (Бабенчиков 1958: 127; Бабенчиков 1953: 113, рис. 38: 37). В Херсонесе обнаружена черепица с изображением батальной сцены с участием трех всадников, один из которых повержен копьем противника (Романчук 2004: рис. 53: 2). Довольно часто на одной и той же черепице буквы, условные знаки и изображения встречаются в различном сочетании.

Чрезвычайная вариативность черепичных рельефных меток затрудняет однозначное решение вопроса об их назначении. Исследователями высказано уже немало предположений по этому поводу. Наиболее распространенным является объяснение метки как знака мастера (ремесленника) или мастерской (Барсамов 1932: 5, 9; Якобсон 1950: 122-153; Якобсон 1979: 152-155; Бабенчиков 1958: 127; Симонова 1980: 119). Одним из наиболее последовательных сторонников такой интерпретации черепичных меток был А.Л. Якобсон. В своих трудах он заложил основы научного изучения крымской средневековой черепицы и собрал большое количество меток из разных центров Крыма. Он считал, что в одной мастерской для производства черепицы использовали несколько матриц с однотипной меткой, в качестве которой могли выступать варианты одной и той же буквы, монограммы, или знака с некоторыми отличиями. Именно «признак однозначности», однотипности меток А.Л. Якобсон использовал для подсчета мастерских, действующих в Херсонесе. Буквенные метки и знаки, датированные им второй половиной XII–XIII вв., были объединены

в 20 групп однотипных меток, которые соответствовали 20 мастерским. Из них, по мнению исследователя, одновременно действовали 4-5 мастерских. На Эски-Кермене, согласно его расчетам, в XII–XIII вв. функционировало 6 мастерских, из которых 2-3 одновременно. Основываясь на этих данных, А.Л. Якобсон даже вычислил примерное количество выпускаемой ими продукции из расчета производительности одной мастерской, которая в год должна была выпускать 7-8 тыс. черепиц. Следовательно, 4-5 мастерских Херсона производили примерно 35-40 тыс. черепиц в год (Якобсон 1979: 154-155; несколько иные расчеты см.: Якобсон 1950: 145-152). Наличие нескольких знаков на одной черепице А.Л. Якобсон объяснял объединением самостоятельных ремесленников и совладением ими обжигательной печью, допуская, таким образом, существование в позднесредневековом Херсонесе гончарных артелей по производству черепицы (Якобсон 1950: 152-153; Якобсон 1979: 153). Условные знаки, по его мнению, скорее всего, принадлежали неграмотным мастерам, кроме тех, на которых были кресты, являвшиеся символами монастырских мастерских (Якобсон 1979: 68, 97). Изображения животных, всадников, птиц он не рассматривал в качестве основных знаков, а лишь как дополнение к буквенным или условным знакам. По его мнению, данные изображения служили в качестве оберегов и магических знаков, подобно изображениям на поливных сосудах того же времени (Якобсон 1979: 153-154).

Т.И. Симонова также была склонна рассматривать метку как знак мастера-керамиста. Разделяя идею А.Л. Якобсона, согласно которой однотипные метки принадлежат одному производителю (только в данном случае не мастерской, а именно мастеру), она рассчитала, что для перекрытия одного дома XIII–XIV вв. во втором квартале Портового района Херсонеса была использована черепица 28 мастеров (Симонова 1980: 119-120).

Н.В. Пятышева метки в виде пентаграммы, изображение которой с древних времен наделяется мистическим смыслом, интерпретировала как знаки-обереги (Пятышева 1973: 215-218). Появление и распространение этого изображения в Крыму она относит ко времени Крымского ханства и связывает с притоком татарского населения. Исследовательница не исключает, что представители других этнических групп также могли использовать пентаграмму в том же качестве, т.е. как защиту от нечистой силы, либо как дань моде.

Вопрос о назначении меток был рассмотрен и Е.А. Паршиной. В своей статье о средневековой керамике, полученной в ходе раскопок ряда южнобережных памятников в 1962-1969 гг., исследовательница отдельный раздел посвятила анализу керамических строительных материалов, в котором детально описала коллекцию из более 250 рельефных меток на средневековой черепице (Паршина 1974: 77-94). До сих пор эта работа остается самым полным опубликованным сводом черепичных меток данного региона.

Е.А. Паршина выявила большой круг аналогий южно-бережным меткам, главным образом, среди херсонесского материала и сделала важный вывод о том, что найденные в разных местах маркированные черепицы могли быть изготовлены в одних и тех же или очень сходных матрицах (Паршина 1974: 91). Учитывая тот факт, что многие метки бытовали несколько столетий, она отрицает их интерпретацию как знаков мастера или мастерской. В довольно осторожной форме Е.А. Паршина высказала предположение о том, что эти знаки могли обозначать различные партии изделий в условиях товарного производства. Кроме того, она не исключает, что некоторые метки одновременно являлись и знаками заказчика, например, монастырь мог заказать черепицу с крестами, хотя, возможно, монастыри имели свои мастерские (Паршина 1974: 91-92).

Детальную реконструкцию процесса производства черепицы представил В.А. Сидоренко (Сидоренко 1985: 93-100). Необходимость маркировки форм различными метками он объясняет, прежде всего, производственными потребностями. Поскольку в одной мастерской было задействовано несколько форм-матриц, их необходимо было маркировать разными метками для соблюдения определенной последовательности при их использовании. Некоторые буквенные метки, по его мнению, были наделены также определенной смысловой нагрузкой. Так, например, буква М могла обозначать имя святого Михаила, «тега» сама по себе или ее лигатура с «эпсилон» – начальные буквы имени Богородицы, метка в виде сочетания букв «пи» - «хи» - «омикрон» по сходству с херсонскими монетами Михаила III (842-867) несла в себе формулу «полис Херсонос». Черепицы с подобной меткой, по предположению исследователя, производили в 40-70 гг. IX в. в муниципальной мастерской Херсона, в которой одновременно могли выпускать черепицу и с другими метками. Черепицы с метками в виде крестов изготавливали в церковно-монастырских черепичных мастерских (Сидоренко 1985: 99-100).

Проблемы, связанные с изучением черепичных меток, подробно рассмотрены в монографии А.И. Романчук о строительных материалах византийского Херсона, которая на сегодняшний день включает наиболее полное собрание меток этого города (Романчук 2004). Рассматривая уже известные версии, она выдвинула также несколько новых. Приведя весомые аргументы, ставящие под сомнение интерпретацию меток в качестве знака мастера или мастерской, исследовательница, тем не менее, допускает вероятность такого объяснения их назначения (Романчук 2004: 97-108). Кроме того, она не исключает, что метка могла обозначать очередность обжига партии черепицы, использоваться при подсчете готовой продукции, а также служить индексом времени производства, что было своего рода гарантией качества и в случае, если изделие окажется некачественным, то метка давала «знать: к кому можно предъявить претензии» (Романчук 2004: 107-108). Изготовление черепичной матрицы с изображения животных и всадников, по мнению А.И. Романчук, было для некоторых

мастеров также «способом выражения творческих потребностей» (там же).

Таким образом, в историографии уже предложены самые разнообразные версии о назначении черепичных рельефных знаков. При этом следует отметить, что исследователи, как правило, не ограничиваются каким-то одним значением, а высказывают несколько версий. Все это объясняется многообразием черепичных меток и сложностью в выявлении какой-либо общей закономерности в их применении.

Следует также отметить, что при изучении черепичного материала метки, как наиболее привлекательный элемент, рассматриваются, чаще всего, сами по себе, вне контекста черепиц, на которых они отображены. Такой подход значительно сужает информативную базу о них. Как представляется, вопрос о назначении черепичных меток может быть решен лишь при комплексном изучении черепичного материала в целом. Первостепенная задача на этом пути состоит в том, чтобы выявить группу черепиц, производство которых можно отнести к одной мастерской.

Именно такую группу удалось выделить из очень разнообразной по морфологическим и технологическим характеристикам строительной керамики, полученной в результате раскопок средневекового квартала Эски-Кермена в 2003-2008 гг. под руководством А.И. Айбабина (Aibabin 2006: 75; Айбабин 2012: 8-9; Завадская 2008: 291-315; Завадская 2010: 254-267). Данный квартал погиб одновременно с городом в пожаре в конце XIII в. (Aibabin 2006: 75; Айбабин, Хайредино-ва 2011: 429; Айбабин 2012: 8-9).

За шесть археологических сезонов было получено более 70 тысяч фрагментов черепиц: плоских керамид (95-98%) и полукруглых калиптеров (2-5%). В ходе камеральной обработки разработана самостоятельная классификация черепичного материала. На основании качества черепка и визуально распознаваемых примесей, содержащихся в глиняном тесте, выделено несколько групп.

Черепицы **группы I** имеют плотный, прочный черепок. В красноглиняном тесте содержится песок, частицы известняка и железа, которые иногда бывают достаточно крупных размеров. Поверхность, как правило, гладкая. Керамиды I группы по форме профильных частей подразделяются на две подгруппы: «Ia» и «Iб». Визуально тесто керамид Ia группы несколько более однородно (хорошо промешанное), с большей концентрацией мелких частиц известняка (рис. 1: 1, 2).

Черепицы **группы II** с относительно плотным черепком от светло-оранжевого до светло-красного цвета, с примесью известняка, песка, а также частиц шамота (дробленной керамики); поверхность их зачастую сильно оббита (рис. 1: 3).

В **группу III** объединены черепицы из комковатого теста с умеренной концентрацией шамота; добавлен также песок, частицы известняка и железа. Черепок довольно прочный, как правило, ярко-красного цвета, поверхность иногда покрыта неплотным желтоватым налетом (ангобом?) (рис. 1: 4).

Группа IV – это черепицы с сильно шамотированным черепком коричневого или темно-красного цвета с крупнозернистой, рыхлой структурой и шероховатой поверхностью. В тесте также содержатся частицы железа, известняка, песок. Черепок, как правило, хрупкий, часто легко крошится (рис. 1: 5).

Следует отметить, что эски-керменская черепица групп III и IV соответствует по тесту 2-й группе по херсонесской классификации (Паршина 1974: 79-80; Симонова 1980: 107; Романчук 2004: 42-43).

На Эски-Кермене присутствует также черепица **1-й группы по херсонесской классификации** – с плотным кирпично-красным черепком с характерными желтоватыми включениями и разводами известняка, со светлым плотным ангобом (рис. 1: 6) (Завадская 2012: 24-25).

Значительная часть черепичного материала всех выделенных групп имеет рельефные метки. Их размеры, рельеф, расположение на поле черепицы, характер различны. Они представляют собой буквы, изображения животных (лошадь, птица, собака) и человека, а также разнообразные условные знаки. Некоторые идентичные метки встречены на сравнительно большом количестве керамид, изготовленных в одной матрице. Вывод о том, что керамиды сделаны в одной матрице, основан на сопоставлении формы, размеров ремесленного знака и его местоположения на поле керамиды. Положение знака на черепице является очень важным показателем, который, к сожалению, зачастую исследователями не принимается во внимание. В археологических отчетах и публикациях, как правило, приводят лишь некоторые целые формы черепицы, а метки сведены в отдельные таблицы. Тем не менее, говорить об идентичности тех или иных знаков можно только с учетом их точного местоположения на черепице. Поэтому в отчетных и публикационных материалах чрезвычайно важно демонстрировать всю маркированную черепицу или ее фрагмент, на котором сохранилась метка. Количество черепиц, изготовленных в одной матрице, является важным показателем производительности этих матриц, и, следовательно, черепичных мастерских, в которых они использовались.

Наиболее многочисленные серии эски-керменских черепиц, сформированных в одной матрице, рассмотрены в отдельной публикации (Завадская 2008: 291-315). Самая многочисленная серия состоит пока из 78 керамид группы III с меткой в виде буквы E (Завадская 2008: рис. 3: 6, 7). Из них 75 фрагментированных форм получены при раскопках 2003-2008 гг. и фрагменты от 3-х керамид из раскопок 1930 г. хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа¹. Буква E иных очертаний встречается также на керамидах этой же группы, образующих две другие серии (10 и 8 экз.). Метка в виде греческой буквы «эпсилон» в различных вариациях хорошо известна на многих памятниках Крыма (Херсонес, Мангуп, Бакла, Гончарное, Ласпи,

¹ Инв. №№ 1104/193, 1104/266, 1104/357.

Тепсень и др.). Похожая прорисовка этой буквы фиксируется, в частности, на черепицах 2-й (шамотированной) херсонесской группы (Романчук 2004: табл. 4: E3/109). Подобные варианты этого знака находили и на Эски-Кермене в 1936-1937 гг. и в 1979 г. (Репников 1941: рис. 78; Паршина 1988: рис. 2: 9-14). Однако, поскольку все метки опубликованы отдельно от черепиц и их расположение на поле изделий остается неизвестным, говорить об их идентичности вновь найденным экземплярам невозможно.

Морфологические признаки керамид четырех выделенных на Эски-Кермене групп отличаются большим разнообразием (рис. 2). Форма и высота боковых и верхних бортиков отдельных экземпляров порой сильно варьируют. Исключение составляет группа Ia. Она объединяет стандартные, легко выделяемые из общей массы керамиды с устойчивой формой бортиков и типичной структурой черепка. С обратной стороны абсолютно все они имеют продольные полосы-бороздки, образовавшиеся в процессе изготовления. Совокупность этих признаков позволяет сделать вывод о том, что керамиды группы Ia были произведены в одной керамической мастерской и при их изготовлении соблюдались единые технологические нормы, стандарты. Таким образом, изучение этой группы является очень перспективным, поскольку в ней заключена ценная информация об организации и масштабах черепичного производства.

Из всего черепичного материала, полученного в 2003-2008 гг., группа Ia оказалась наиболее массовой и ее доля составила 35,8 %. Это позволило сделать вывод о том, что мастерская, в которой изготавливали эту черепицу, была сравнительно крупным, хорошо организованным производством с четко выработанными технологическими стандартами (Завадская 2010: 264-267). Однако предположение, что эта мастерская могла находиться на Эски-Кермене или в его округе, не подтвердилось². По предварительным данным, производство черепицы группы Ia по эски-керменской классификации можно связывать с одним из нескольких гончарных центров, открытых на склонах г. Илька, в 5 км к юго-востоку от Мангупского городища. Раскопки этих памятников проводятся под руководством В.Е. Науменко³ с 2010-2012 гг. (Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин 2012: 52-54; Моисеев 2012: 46-48). Их дальнейшее изучение, безусловно, предоставит новые данные об организации и масштабах че-

² Это предположение было сделано на основании практически полного отсутствия черепицы данной группы в публикациях о строительной керамике других центров. Исключением является статья, посвященная результатам раскопок крестообразного храма Мангупа (Мыц 1990). Среди схематических изображений черепиц и меток, некоторые экземпляры с определенной долей вероятности можно отождествить с нашей группой (Мыц 1990: рис. 5: 13-19; рис. 6: 42). Описание этих черепиц в статье не приводится.

³ Выражаю глубокую признательность В.Е. Науменко и Д.А. Моисееву за возможность ознакомиться с предварительными результатами изучения строительной керамики гончарных центров г. Илька.

репичного производства, а также о системе торговых поставок готовой продукции в разные населенные пункты, в числе которых, вероятно крупнейшим потребителем был Эски-Кермен.

Всего в ходе раскопок на Эски-Кермене в 2003-2008 гг. было получено 30 археологически целых форм, а также удалось собрать 11 экземпляров с сохранившейся полной длиной и 19 экз. с сохранившейся полной шириной. Длина этих керамид варьирует в пределах 38,0-44,0 см, а ширина – 30,0-37,0 см. Высота боковых бортиков – 4,5-5,0 см, верхних бортиков – 2,8-3,2 см⁴. Абсолютно все керамиды этой группы имели характерные симметричные уступы в нижней части (рис. 3; 4).

Несмотря на свой в целом типичный облик, отдельные экземпляры отличаются деталями. Неустойчивым элементом являются водосливные валики. Их рисунок и рельеф разнятся или они могут полностью отсутствовать. Далеко не все керамиды имели метки, высота рельефа которых также варьирует. По очертаниям боковых бортиков и рельефности валиков и меток керамиды группы Ia делятся на два варианта. Керамиды 1-го варианта имеют трапециевидные бортики с плавным переходом в центральное поле, низкорельефные валики и метки (рис. 3: 1-5; 4: 1-3, 6-12). У керамид 2-го варианта бортики также трапециевидные, но с более четкими очертаниями, знаки и валики более рельефные (рис. 3: 7, 8; 4: 4, 5). Несмотря на эти отличия, нет сомнений, что керамиды обоих вариантов производили в одной мастерской. Это подтверждается в частности наличием переходных форм, которые затрудняют уверенное отнесение некоторых экземпляров к какому-либо варианту (рис. 3: 6).

В настоящее время известно более 20 меток на керамиде группы Ia. Некоторые из них представлены значительным числом экземпляров, изготовленных в одной матрице. Самой многочисленной является метка № 1, напоминающая схематическое изображение черепицы с нижними уступами (рис. 4: 1; 5: 1). В 2003-2008 гг. зафиксировано 58 экземпляров. Еще одна, археологически целая керамида с этим знаком найдена при раскопках 1930 г. к востоку от главной апсиды эски-керменской базилики и хранится в фондах Государственного Эрмитажа⁵. Не исключено, что прорисовку знака именно этой керамиды, А.Л. Якобсон включил в таблицу эски-керменских черепичных меток (из раскопок 1928-1933, 1936-1937 гг.), датированных им IX-X вв. (Якобсон 1979: 99, рис. 61: 42). Однако результаты современных раскопок не оставляют сомнений в том, что производство керамид с данной меткой следует отнести к последнему строительному периоду открытых помещений, разрушенных в конце XIII в. Аналогичный знак зафиксирован также на че-

репице из слоя разрушения часовни, построенной над крестообразным храмом под Мангупом в XIII-XIV вв. (Мыц 1990: рис. 6: 42).

Второй по количеству экземпляров является рельефная метка № 9а в виде сдвоенного фигурного угла между водосливными валиками (рис. 3: 7; 5: 9а). Ввиду фрагментарности некоторых экземпляров можно установить лишь приблизительное количество керамид с этим знаком – не менее 51 и не более 82 черепиц. Еще один фрагмент черепицы с похожей меткой (№ 9б) был изготовлен в другой матрице (рис. 4: 13; 5: 9б). Визуально обоим знакам близки метки на черепицах из Эски-Кермена, опубликованные А.Л. Якобсоном и датированные им XIII в. (Якобсон 1979: 151, рис. 98: 68, 70; Завадская 2008: 298).

Сравнительно многочисленные серии составили керамиды с метками № 7 в виде буквы Т (28 экз.; рис. 4: 2; 5: 7) и № 2 в виде тамги (19 экз.; рис. 3: 5; 5: 2). Остальные знаки встречаются реже: метка № 10 – 10 экз. (рис. 4: 5; 5: 10), метка № 3 – 9 экз. (рис. 4: 12; 5: 3), метка № 4 – 8 экз. (рис. 4: 9; 5: 4), метка № 5 – 6 экз. (рис. 4: 4; 5: 5), метка № 6 – 4 экз. (рис. 3: 6; 5: 6), метка № 11 – 4 экз. (рис. 3: 8; 5: 11). От керамид с меткой № 8 найдено 19 фрагментов (рис. 4: 7; 5: 8). По 2 экземпляра имеют метки № 13-15 и 18 (рис. 4: 3, 6, 14, 15; 5: 13-15, 18). Единичны метки № 12, 16 и 17 (рис. 4: 8, 10, 11; 5: 12, 16, 17). Кроме того, есть фрагменты не полностью сохранившихся меток.

Таким образом, метки керамид группы Ia представлены в виде греческих букв, монограммы, а также условных знаков, в числе которых тамга. Разнообразие меток на черепицах, изготовленных в одном производственном центре, опровергает предположение А.Л. Якобсона о том, что для каждой мастерской был характерен какой-то один знак и его вариации. Следовательно, сделанные им, исходя из этого, подсчеты количества мастерских для Херсонеса и Эски-Кермена также являются ошибочными. Гипотетичность и спорность подобных вычислений ранее отмечала А.И. Романчук (Романчук 2004: 97-100).

Как правило, каждая метка была вырезана лишь на одной матрице. Исключение составляют метки № 9а и 9б (два варианта одного знака). Этот факт ставит под сомнение и версию о метке как знаке мастера (по крайней мере, как универсальную версию), поскольку каждый мастер изготовлял, безусловно, более одной матрицы. Кроме того, далеко не все матрицы были маркированы. Так, из 30 археологически целых форм 12 не имели рельефных знаков.

Важные сведения дает также фиксация местонахождения отдельных фрагментов маркированных черепиц. Основная масса обломков наиболее многочисленных серий керамид локализовалась в слое разрушения определенных помещений, раскопанных на Эски-Кермене, и чем дальше от места их наибольшей концентрации, тем реже они встречались (Завадская 2010: 262-263). Скорее всего, произведенная в одной матрице серия черепиц зачастую приобреталась одновременно и использовалась для перекрытия вполне

⁴ Здесь приведены наиболее часто встречаемые параметры высоты бортиков. Отклонения в 0,2-0,5 см сравнительно редки. Высота бортиков включает толщину центрального поля, которая для керамид группы Ia составляет в большинстве случаев 2,0 см.

⁵ Инв. № 1104/89.

конкретного помещения. Тот факт, что при перекрытии одного и того же помещения одновременно использовали черепицы группы Ia с разными метками и без них, не подтверждает интерпретацию метки как знака заказчика. Также в силу разнообразия использованных одновременно маркированных черепиц, метки на них, скорее всего, не могли быть индексом времени и своего рода знаком качества.

Предположение о том, что метки были необходимы для организации процесса изготовления черепиц в условиях одновременного использования различных матриц, также имеет слабые стороны. Характер меток (и буквы, и знаки, а порой и их сочетание) не дает ответа на вопрос, каким образом они могли помогать соблюдать последовательность в эксплуатации маркированных ими матриц или очередность обжига готовой продукции. В этом случае следовало бы ожидать маркировку черепиц более простым и стандартным способом, например, только (начальными) буквами греческого алфавита, что было бы проще и понятнее. Иначе создается впечатление излишней зашифрованности.

Как представляется, попытки объяснить практику черепичной маркировки с точки зрения, прежде всего, производственной целесообразности малоубедительны в силу отсутствия стандарта в выборе и оформлении рельефных меток, т.е. именно того, что и могло бы облегчать процесс массового изготовления черепицы, контроля качества и подсчета готовой продукции. То обстоятельство, что в одной мастерской производили черепицы, как без меток, так и с довольно большим набором разнообразных знаков и изображений позволяет высказать предположение о том, что в маркировке средневековых черепиц не было закономерности. Скорее всего, вырезание изображений на черепичной матрице являлось неорганизованным процессом. Метки не имели узкоспециального назначения. Выбор того или иного знака зависел, чаще всего, от фантазии, настроения и художественных способностей ремес-

ленника, изготавливавшего матрицу. Эти изображения могли иметь самый различный смысл и быть как значимыми для их изготовителя символами (например, обозначать имя святого, собственное имя, служить оберегом и т.п.), так и простым декоративным элементом. После нанесения рельефного знака он автоматически превращался в метку всех изготовленных в данной матрице экземпляров. Однако ставил ли мастер такую цель изначально? Не исключено, что иногда такая задача стояла перед мастером, но побудительные мотивы могли быть самые разные. Единый стандартный утилитарный подход к рельефным меткам не прослеживается.

Таким образом, античная традиция метить строительный керамический материал для указания производителя (владельца мастерской) и (или) даты производства в эпоху средневековья претерпела трансформацию, в результате чего узкопрактическая цель, скорее всего, была утрачена и метки стали, прежде всего, способом самовыражения отдельных мастеров. Судя по количеству меток и маркированной черепицы, получившей распространение на значительной территории Крыма, вырезание меток было, безусловно, популярным, модным. Это явление, вероятно, следует рассматривать как культурный феномен, изучение которого может пролить свет на некоторые ментальные особенности средневекового населения Крыма: его духовные ценности, интеллектуальные и психо-эмоциональные процессы, художественные способности и пристрастия.

Данная версия не претендует на окончательное решение проблемы. Дальнейшее пополнение фактологической базы, разработка и повсеместное внедрение новых методов исследования средневековой черепицы, безусловно, расширит наши представления об этой весьма многочисленной группе археологических источников, обладающих большой потенциальной информативностью о материальной и духовной культуре средневекового населения Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Aibabin A.I. 2006. A Byzantine fortress on Eski-Kermen Mountain in Crimea. *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21-26 august 2006*. III. London, 75.
- Айбабин А.И. 2012. Раскопки квартала XII–XIII вв. на плато Эски-Кермен. *Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»*. Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2011. Поздне-средневековая часовня на плато Эски-Кермен. *МАИЭТ XVII*, 422-457.
- Антонова И.А., Костромичев Д.А. 2000. Римские гарнизоны Юго-Западного Крыма по данным керамических клейм. *МАИЭТ VII*. 45-50.
- Армарчук Е.А. 2009. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера. *Материалы и исследования по археологии Се-*
- верного Кавказа*. Вып. 10. Армавир: Международная Академия Наук, 81-98.
- Бабенчиков В.П. 1953. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949-1951 годов). *КСИА* 49, 104-116.
- Бабенчиков В.П. 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. В: Домбровский О.И. (ред.-сост.). *История и археология средневекового Крыма*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 88-146.
- Барсамов Н.С. 1932. *Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле. 1929-1931 гг.* Феодосия.
- Берзин Э.О. 1959. Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре (IV – начала III в. до н.э.). *СА* (4), 53-60.
- Гадло А.В. 1964. О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского. В: *Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конфе-*

ренции. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 96-104.

Гайдукевич В.Ф. 1934. Строительные керамические материалы Боспора. *ИГАИМК 104*, 211-315.

Гайдукевич В.Ф. 1967. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике. *КСИА 109*, 15-21.

Джгамая Д.К. 1969. Производство строительной керамики в феодальной Грузии. В: Ломтатидзе Г.А. (ред.). *Археологические памятники Феодальной Грузии*. Т. Тбилиси: Мецниереба, 94-105.

Джгамая Д.К. 1974. Эпиграфика строительной керамики средневековой Грузии. В: *Археологические памятники Феодальной Грузии*. Т. Тбилиси: Мецниереба, 238-243.

Завадская И.А. 2008. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.). *МАИЭТ XIV*. 291-315.

Завадская И.А. 2010. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма. *ТГЭ LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 года*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 254-268.

Завадская И.А. 2010. К вопросу о назначении рельефных меток на средневековой черепице Крыма. В: *Боспорские чтения XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы*. Керчь, 142-144.

Завадская И.А. 2012. «Херсонесская» черепица на Эски-Кермене. *Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»*. Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 24-25.

Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *Боспорские исследования XVIII*, 480 с.

Ковальчук А.В. 2007. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм). Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва.

Ковальчук А.В. 2007а. Черепица с именем Афродиты из Кеп. В: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. С-Петербург, 314-316.

Ломтатидзе Г.А. 1974. Раскопки дворца и рядовых жилищ средневековой эпохи в окрестностях древнего города Самшвилде. В: *Археологические памятники Феодальной Грузии*. Т. Тбилиси: Мецниереба, 137-138.

Майко В.В. 2004. *Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму*. Киев: Академперіодика.

Моисеев Д.А. 2012. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты. *I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международ-*

ной научной конференции (Бахчисарай, 5-7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 46-48.

Моисеев Д.А. 2013. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе. *МАИЭТ XVIII*, 162-186.

Мыц В.Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *СА (1)*, 224-242.

Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. 2012. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований). *Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»*. Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 52-54.

Новиченкова Н.Г., Новиченкова-Лукичева Х.В. 2009. Будівельна кераміка з клеймами римської фортеці Харакс. *Археологія (1)*, 61-71.

Паршина Е.А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, 36-59.

Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 56-94.

Пятышева Н.В. 1973. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса. *АДСВ 10*. 215-220.

Репников Н.И. 1909. Парthenитская базилика. *ИАК 32*. с. 91-140.

Репников Н.И. 1941. Городище Эски-Кермен. В: Гольмстен В.В. (ред.). *Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, с. 277-282.

Романчук А.И. 1976. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса. *ВВ 37*. 156-159.

Романчук А.И. 1976а. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек. *АДСВ 13*. 9-26.

Романчук А.И. 1977. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе. *СА (2)*, 181-192.

Романчук А.И. 1995. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса. *АДСВ 27. Византия и средневековый Крым*, 107-118.

Романчук А.И. 2004. *Строительные материалы византийского Херсона*. Екатеринбург.

Сарновски Т. 2005. Римская черепица Южного Крыма. *МАИЭТ XI*. 119-143.

Сарновски Т., Савеля О.Я. 2000. *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. Warszawa.

Сидоренко В.А. 1985. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсонеса. *АДСВ. Проблемы социального развития*. 93-101.

Симонова Т.И. 1980. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. *АДСВ. Античные традиции и византийские реалии*. 104-120.

Талис Д.Л. 1968. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища. *СА* (2), 184-195.

Тиханова М.А. 1953. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. (Мангуп). *МИА* 34, 430-434.

Филиппенко А.А. 1998. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой. *ХСб* IX, 110-117.

Якобсон А.Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). *МИА* 17.

Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма. *МИА* 168.

Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.

І.О. Завадська

ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ РЕЛЬЄФНИХ МІТОК НА СЕРЕДНЬОВІЧНІЙ ЧЕРЕПИЦІ З КРИМУ

Стаття присвячена проблемам вивчення та інтерпретації рельєфних міток на черепиці, виявленій при розкопках середньовічних пам'яток Криму. У ній розглянуті різні думки вчених про призначення подібних міток, а також представлені результати дослідження будівельної кераміки з розкопок Ескі-Кермена в 2003-2008 рр. під керівництвом А.І. Айбабіна. На підставі вивчення черепиці групи Ia (по ескі-керменській класифікації), яка є продукцією однієї майстерні, запропонована нова точка зору на черепичні мітки. Та обставина, що в одній майстерні виробляли черепиці як без міток, так і з досить великим набором різноманітних знаків і зображень дозволяє висловити припущення про те, що маркування середньовічної черепиці не було організованим процесом, обумовленим виробничою необхідністю. Мітки не мали вузькоспеціального призначення і могли бути як значущими для їх виробника символами, так і простим декоративним елементом. Ймовірно, вони були, насамперед, способом самовираження окремих майстрів. Вивчення черепичних міток як культурного феномену може пролити світло на деякі ментальні особливості середньовічного населення Криму.

Ключові слова: Ескі-Кермен, середньовічна черепиця, рельєфні мітки.

I.A. Zavadskaya

ON APPOINTMENT OF RELIEF MARKS ON THE MEDIEVAL TILES OF CRIMEA

The article is devoted the study and interpretation of relief marks on the tiles found during excavations of medieval monuments of Crimea. It examines the different opinions of scientists on the appointment of such marks as well as presents the results of research of building ceramics from the excavations of Eski-Kermen in 2003-2008 under the leadership of A.I. Aybabin. On the basis of the study of tiles group Ia (according to Eski-Kermen classification), which is the product of a one workshop, were offered a new point of view on the tiles marks. The fact that in one workshop were produced tiles both without marks and with a rather large set of diverse symbols allows to assume the following: the marking of medieval tiles wasn't an organized process due to production needs. These marks don't have specialized purpose and could be both important symbols for the craftsman and simple decorative element. Probably, it was primarily a way of expression of individual masters. The study of the tiles marks as a cultural phenomenon may shed a light on some of the mental characteristics of the medieval population of Crimea.

Keywords: Eski-Kermen, medieval tiles, relief marks.

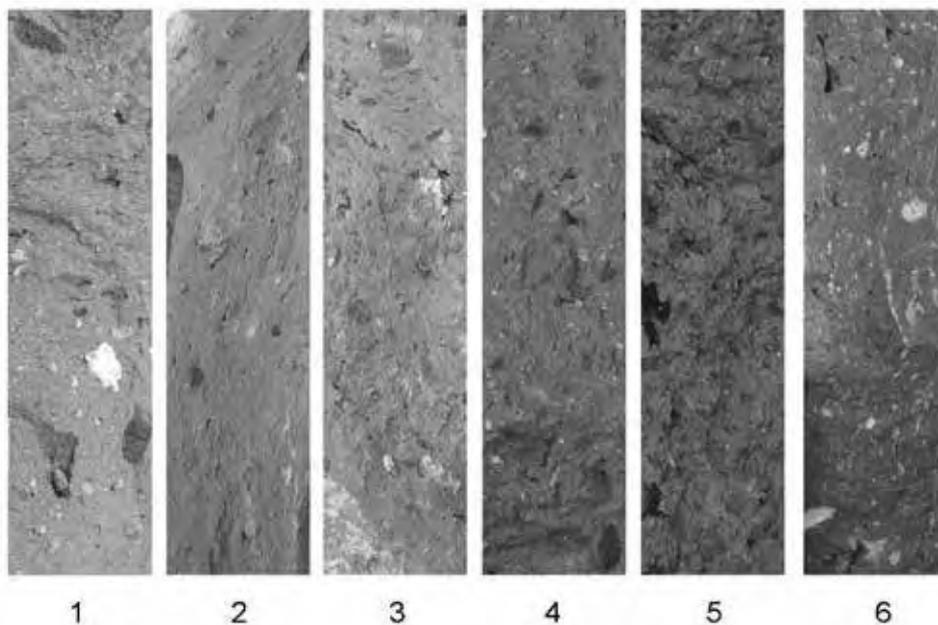

Рис. 1. Образцы структуры черепка групп черепиц из раскопок Эски-Кермена. 1 – Ia группа, 2 – Ib группа, 3 – II группа, 4 – III группа, 5 – IV группа, 6 – 1-я группа по херсонесской классификации.

боковые бортики	верхние бортики	группа
		Ia группа
		Ib группа
		II группа
		III группа
		IV группа

Рис. 2. Профили боковых и верхних бортиков групп керамид из раскопок Эски-Кермена.

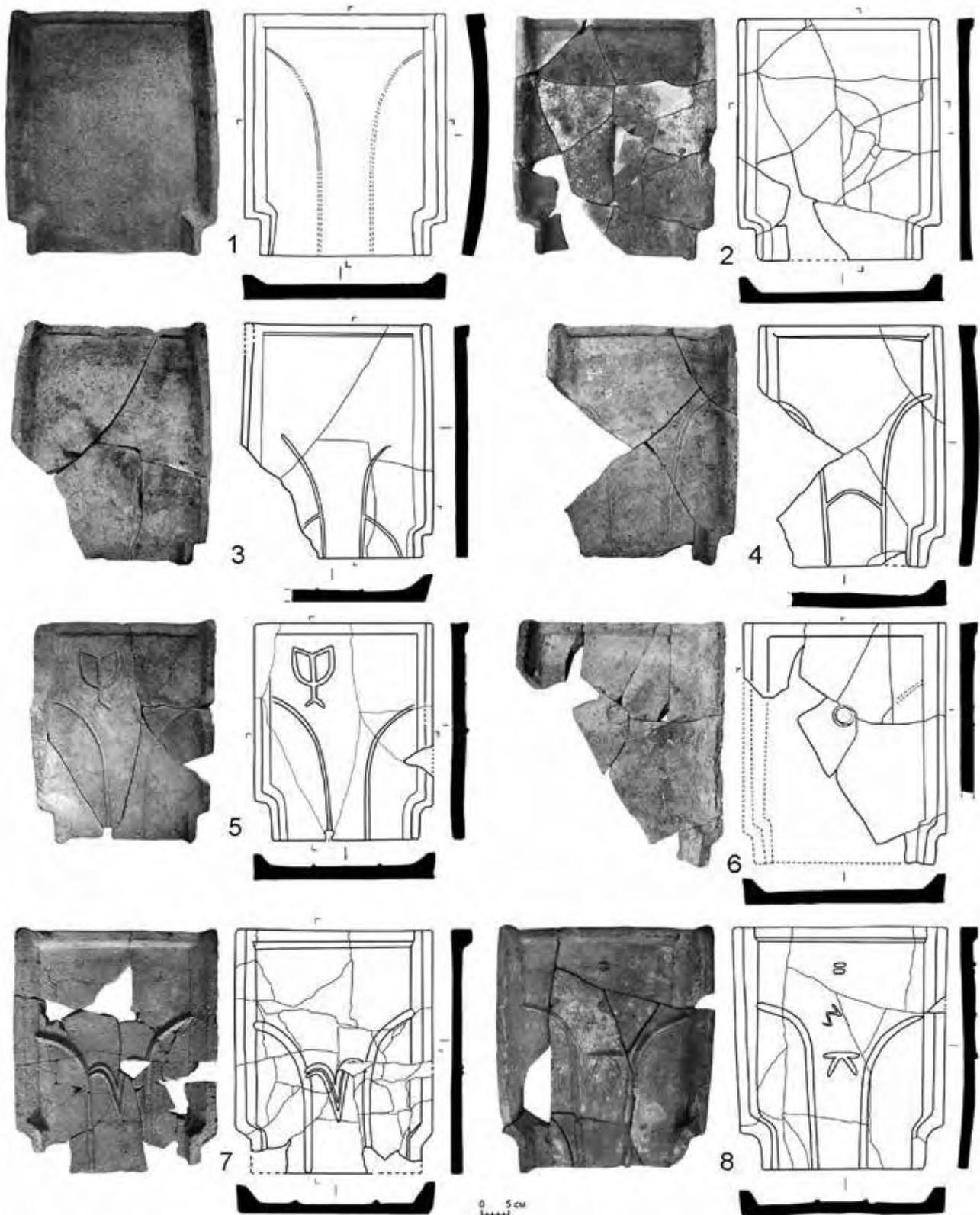

Рис. 3. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена.

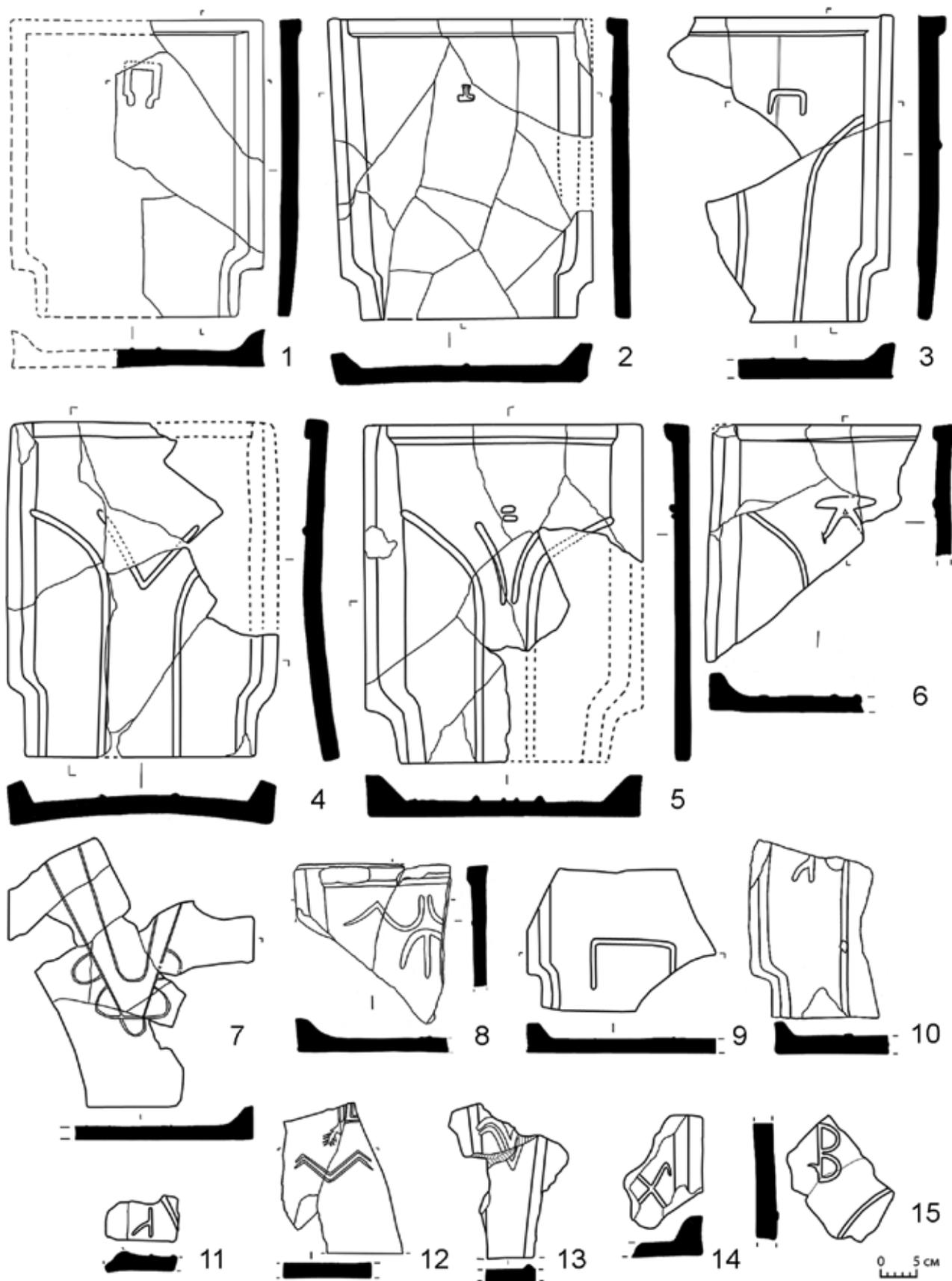

Рис. 4. Керамиды Ia группы из раскопок Эски-Кермена.

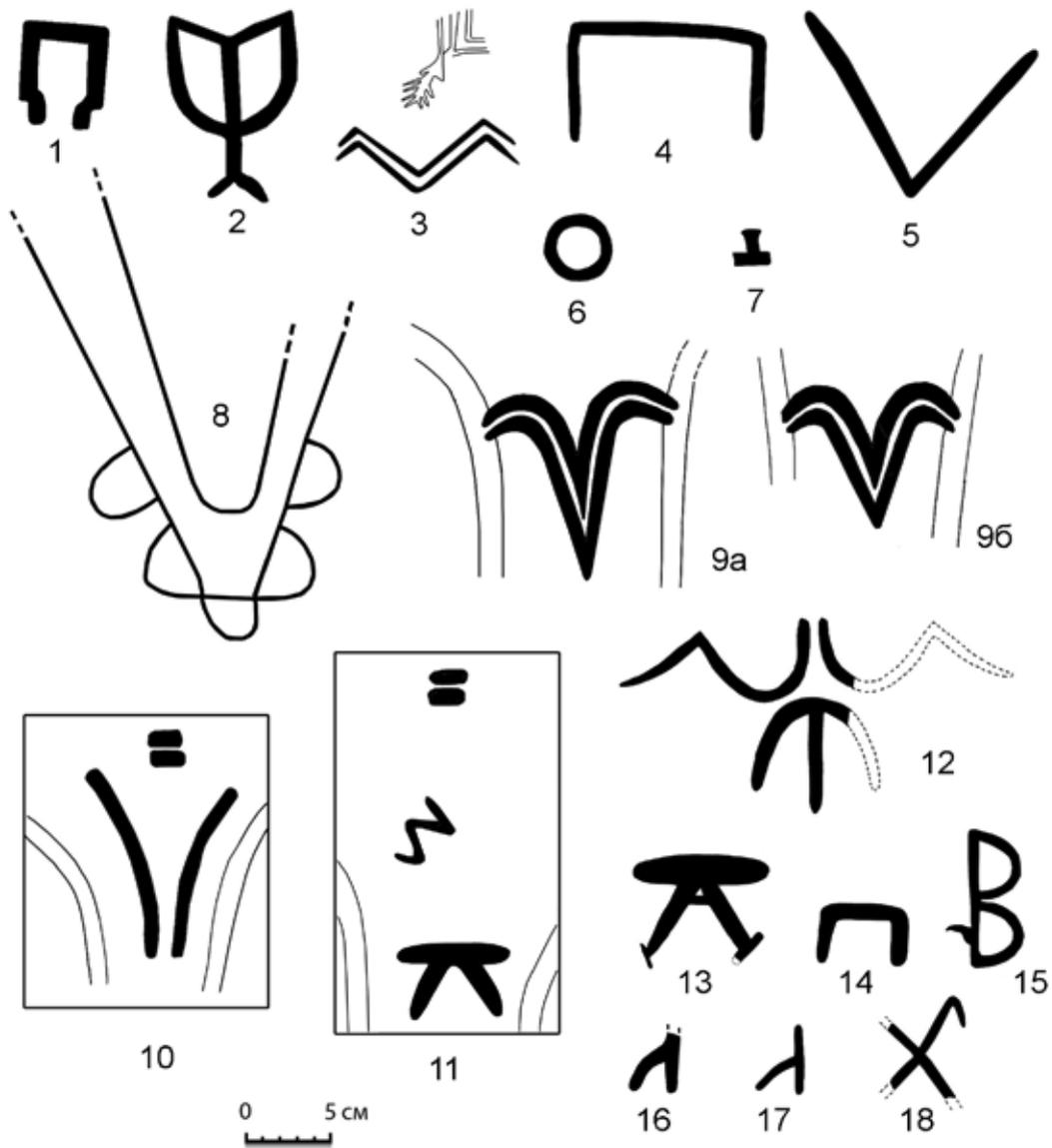
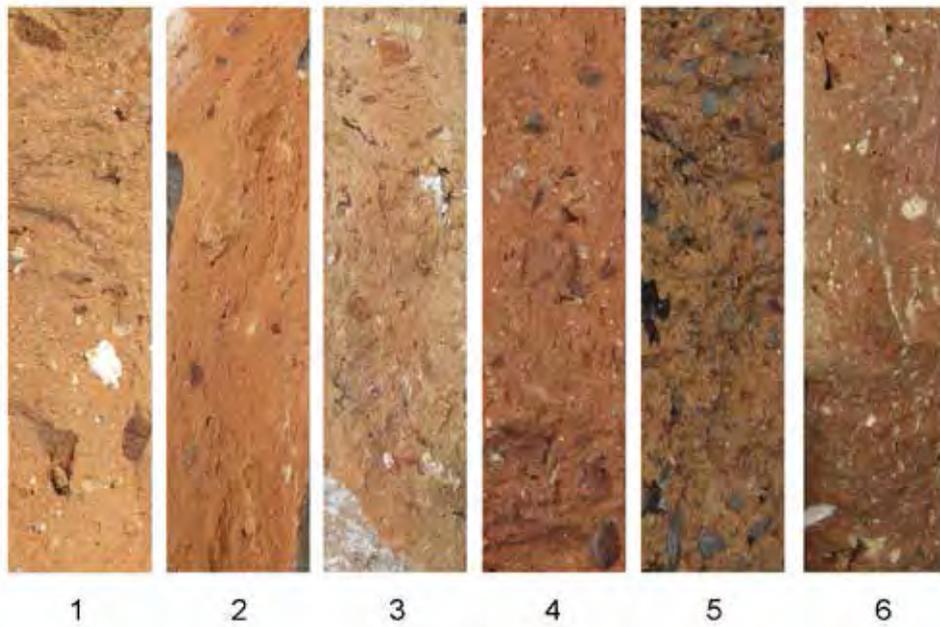

Рис. 5. Метки на керамидах Ia группы из раскопок Эски-Кермена.

Цветная иллюстрация к статье И.А. Завадской
О НАЗНАЧЕНИИ РЕЛЬЕФНЫХ МЕТОК НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЧЕРЕПИЦЕ КРЫМА

С. 423. Рис. 1. Образцы структуры черепка групп черепиц из раскопок Эски-Кермена. 1 – Ia группа, 2 – Ib группа, 3 – II группа, 4 – III группа, 5 – IV группа, 6 – 1-я группа по херсонесской классификации.